

Литературный МОЯК

№ 9
(259)

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Литературный октябрь начался для нас днём рождения Сергея Есенина - 3 октября, продолжился днём рождения Сергея Чухина и Василия Елесина - 12 октября...

А 14 октября началась «Беловская неделя», которая продолжится Беловскими чтениями. 23 октября - день рождения Василия Ивановича Белова. И в это же день (только в другой год) родился замечательный русский поэт и ныне живущий и работающий в Никольске - Василий Мишенёв...

И это, пожалуй, не все литературные вехи октября...

Конечно, читать, вспомнить писателей и их произведения надо не только по случаю памятных дат... Читаем мы по влечению душ и сердец, которых коснулось слово поэта или прозаика... Писателям, которых я назвал сейчас, дано это непростое, нелёгкое право и умение - касаться душ, «жечь их глаголом» или «ласкать кровью чувств»...

Пусть сегодня и здесь будет «октябрьское» стихотворение...

Василий МИШЕНЁВ

ОКТАБРЬ

Ночью и днём дожди.
И горизонта нет.
В гости друзей не жди,
Где их далёкий след?

Мыслью согрет одной –
Литься дождям не век,
Будет рассвет иной,
Выпадет добрый снег.

Выпадет добрый снег
И подведёт итог
Песням усталых рек,
Мыслям в нелёгкий срок.

Станет другой земля,
Будет в душе теплой.
Этого мне тепла
Хватит на много дней...

Таково свойство истинной поэзии: даже в печали, даже в дождливые дни одиночества дарить тепло и надежду...

Дмитрий ЕРМАКОВ

12+

На Вологодчине уже шестой год подряд проходят Всероссийские Беловские чтения «Белов. Вологда. Россия». 14 октября учащиеся школ Вологды и Вологодского района написали «Беловский диктант». 19 октября в селе Кубенское пройдут «Гуляния с Беловым», а 23 октября в центральной районной библиотеке в Кубенском в рамках Беловских чтений пройдет встреча с читателями известных современных писателей Виктора Кирюшина (Москва) и Лидии Сычёвой (Москва).

Вспоминая Василия Белова, предлагаю размышления о его творчестве.

Дмитрий ЕРМАКОВ

Душа бессмертна

Жизнь -
Привычное дело
Бессмертной души.

Эссе «Душа бессмертна» написано в середине 90-х, но, пожалуй, именно оно стало главным художественным взлётом последнего периода жизни и творчества Василия Ивановича Белова (хотя были потом еще и «Невозвратные годы», и «Голос, рождённый под Вологодой»).

«Итак, печи были протоплены...» Это у него как настройка на одиночество. На то самое одиночество, на то одиночество, когда ты удалён от суеты, когда нет рядом людей и в то же время весь мир нынешний и прошлый, и будущий, то есть весь мир Божий с тобой и в тебе.

Белов думает о неизбежности ухода близких (матери). От безутешности горя одно спасение - вера в бессмертие души... Но одно дело понимать это, другое - верить...

И опять вспоминается повесть «Привычное дело», написанная за тридцать лет до эссе «Душа бессмертна». Иван Африканович разговаривает с бессмертной душой Катерины. Кстати, случайно или нет, Африканович о жене думает, глядя на грозди рябины, как и герой «Души...»

«Иван Африканович вышел в огород. Сорвал несколько гроздьев красной, уцелевшей от дроздов рябины. Тихонь-

ко закрыл отводок, пошел за деревню.

Горький отрадный дым от костров тут и там таял в ясном неоощуаеом воздухе: копали везде картошку. Стая прилетевших из леса и готовящихся в путь скворцов опустилась в поле; за речкой, за желтой березнячком кричали ребятишки. Белая колокольня развороченной церкви явственно выделялась на спокойном, по-осеннему кротком небе. Зыбкая речка, огибавшая холм с кладбищем, не двигалась, и синенькое небо, отраженное ею, казалось чище настоящего, верхнего неба.

На кладбище, в старых вербах, тенькали синички.

Иван Африканович сидел на могиле жены и смотрел на речку, на желтые ясные березы вдаль. Думал, курил свой мелко-слоистый «Байкал».

«Грех один, а не папиросы. Спичек одних не напасешься, разок затынись, глядишь, опять и погасло. Ты уж, Катерина, не обижайся... Не бывал, не проведаль тебя, всё то это, то другое. Вот рябинки тебе принес. Ты, бывало, любила осенями рябину-то рвать. Как без тебя живу? Так и живу, стал, видно, привыкать... Я ведь, Катя, и не пью теперече, постарел, да и неохота стало. Ты, бывало, ругала меня...»

Ребята все живы, здоровы. Катюшку к Тане да к Митьке отправили, Анатошка в строи-

тельном - этот уж скоро на свои ноги встанет... Ну а Мишку с Васьюшкой отдал в приют, уж ты меня не ругай... Не управиться бы матке со всеми-то.

Худая стала, всё говорит, что руки болят, да ведь и годы уж, ты, Катя, знаешь сама... Да ведь они саналпы у нас, двойники-то. Остались там, хоть бы им что. Картошку выкопал. Корову заведем новую, телушка у Мишки Петрова обошлась нынче, куплю телушку-то. Да. Вот, девка, вишь, как всё обернулось-то... Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама... Вот один теперь... Как по огню ступаю, по тебе хожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет. Катя. Уж так худо, думал, за тобой следом... А вот оклемался... А твой голос помню. И всю тебя, Катерина, так помню, что... Да. Ты, значит, за ребят не думай ничего. Поднимутся. Вот уж самый младший, Ванюшка-то, слова говорит... такой парень толковый и глазами весь в тебя. Я уж... да. Это, буду к тебе ходить-то, а ты меня и жди иногда... Катя... Ты, Катя, где есть-то?

Милая, светлая моя, мне-то... Мне-то чего... Ну... что теперече... вон рябины тебе принес... Катя, голубушка...»

Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, не обросшей травой земле, - никто этого не видел. Пронеслась над погостом

шумная скворчиная стая.

Горько, по-древнему пахло дымом костров. Синело небо.

Где-то за пестрыми лесами кралась к здешним деревням первая зимка».

И ведь, между прочим, явная переключка в концовках - дым. Только в повести дым мирных костров, а в эссе - военных пожаров...

От мыслей о матери к Пушкину, который ещё не умер, а тоже только ещё скоро умрёт на картине Волкова... Ах, как бы хотелось, чтобы не умирал Пушкин... Чтобы жила мать...

И всё под «Времена года» Чайковского - от «Осенней песни» далее, через зимний звон валдайского колокольчика в весну, в лето, снова в осень...

Сейчас, когда я пишу эти строчки, я тоже слушаю «Осеннюю песню», а за окном моим дождь... Но нет у меня беловского одиночества - одиночества с верой... Одиночество-то настанет, хотя бы и ночью... А вот веры пока маловато... Хотя ведь она или есть, или её нет. Значит, есть...

Белов вспоминает давно умерших друзей, о которых так и не написал: Яшин, Селезнёв, Рубцов, Передреев... О Шукшине всё-таки написал... Их души тоже бессмертны. И душа Чайковского...

...«Душа бессмертна» - простые два слова. А ведь это итог его жизни и творчества. И завещание нам...

23 октября, в день рождения Василия Ивановича Белова, в рамках Всероссийских Беловских чтений известные русские писатели встретятся с читателями в Вологодской центральной районной библиотеке в селе Кубенское. Представляем наших почётных гостей.

Лидия Андреевна Сычёва родилась в селе Скрипниково, Воронежской области, прозаик, журналист, главный редактор литературного интернет-журнала «Молоко». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Лидия СЫЧЁВА

Иван Иванович, победитель фашизма

эссе

Мой дедушка со стороны мамы, Иван Иванович Котляров, штурмовал Берлин. Мой отец, Андрей Никитович Харламов, брал Харбин. Мой родной дядя, Иосиф Никитович Харламов, героически погиб под Сталинградом. Ещё два дяди - Леонтий и Григорий Харламовы - участники Великой Отечественной. Место гибели Григория Никитовича известно, а вот его могила до сих пор не найдена...

В юности я получила историческое образование, но относилась к нему без трепета - сердце моё было отдано литературе. Только теперь я понимаю, какая это драгоценность - история семьи, рода, народа, страны, государства и твоя включённость в неё. Чувство исторического времени дарит человеку крылья и высоту. Благодарю Бога за мою великую родню и низко ей кланяюсь!..

С детства в мою жизнь вошло малороссийское наречие: юг Воронежской области заселяли переселенцы с Украины, мама и бабушка у меня говорили «по-хохлацки». Для меня Украина - земля обетованная, чудесная, тайная моя родина.

Кто же сегодня та молодежь, что кричит «москалей - на ножи», сжигает людей живьём в Одессе, добивает топорами безоружных?!.. Кто они? Неужели все - потомки бандеровцев, полицаев, власовцев, тех, кто встречал фашистов-захватчиков хлебом-солью?!.. Ну, не может такого быть. Да, конечно, от «худого семени не жди доброго племени», но преступления отцов - не обязательно проклятие для сыновей.

История повторяется. Пусть победа будет за Иваном Ивановичем, помнящими родство. История повторяется. Пусть победа будет за Иваном Ивановичем, помнящими родство.

Фашиствующая молодежь на Украине - жертвы пропа-

гандистского зомбирования, люди, отринувшие своих героических дедов и прадедов, историю своей семьи, рода и народа.

Вот почему история - это «геометрия души», на которой строится вся «архитектура» мирозерцания. Битва за историю - это наша третья Отечественная война, и жертвы в ней - реальные люди, погибшие в Славянске, Краматорске, Мариуполе, Одессе, Киеве...

История - это не сумма знаний, не информация, не события или факты. История - это чувство времени и пространства, народа и государства, личной ответственности и высшей воли.

Бой за историю продолжается, и до Дня Победы на Украине ещё далеко. 23 года мы отступали, и оборона Севастополя - это выдающийся подвиг его жителей - офицеров, моряков, гражданских.

Пусть жертв будет меньше, а на Украину как можно скорей придёт мир. А наша задача - показать лица тех, кто стравливает народы, зомбирует людей, заставляя их забыть о родстве. И понять: что движет идеологами и организаторами человеконенавистнической бойни? Неужели всего лишь деньги?!

Но простые люди выше хитромудрых коломойских, порошков, обам и иже с ними. Крестьянин Иван Иванович Котляров взял Берлин. А значит, он победил не только Гитлера и его генералов, но и тех магнатов, кто привел фашистов к власти и упорно толкал их на Восток.

История повторяется. Пусть победа будет за Иваном Ивановичем, помнящими родство.

7 мая 2014.

Виктор Фёдорович Кирюшин родился в 1953 году в Брянске, поэт, член Союза писателей России, автор нескольких книг и множества публикаций в различных журналах, лауреат премии Ленинского комсомола, ряда всероссийских и международных литературных премий. Живёт в Москве.

Виктор КИРЮШИН

Мы остаёмся

***
Лес обгорелый,
десяток избёнок,
морок нетрезвых ночей.
Плачет в оставленном доме
ребёнок.

- Чей это мальчик?
- Ничей.

Невыносимая
воля в остроге,
вязь бестолковых речей.

- Чей это воин,
слепой и безногий,
помощи просит?

- Ничей.
Словно во сне,
великана связали,
гогот вокруг дурачья.

- Чья это девочка
спит на вокзале
в душном бедламе?

- Ничья.

Остервенело,
в рассудке и силе,
продали это и то.

- Кто погребён
в безымянной могиле
без отпеванья?

- Никто.

Родина!
Церкви, и доли, и пожни,
рощи, овраги, ручьи...

Были мы русские,
были мы Божьи.

Как оказались ничьи?

***

Тропа с холма
сбегает вниз полого,

А дальше степь
без края и конца.

Сухой и жёсткий
куст чертополоха

Качнётся вдруг у самого лица.

Бери копьё
иль уповай на милость

Врагов, что в прах
стирают города...

Здесь ничего почти
не изменилось

За сотни лет -
Всё так же, как тогда.

Так, да не так:
Враг обернулся бесом,
Перехитрил Ивана-удальца.
Живое поле зарастает лесом,
Мелеют реки, души и сердца.

Там, вдалеке,
шумит-гремит столица,
Она щедра для слуг,
а не служак.

Куда идти?
Каким богам молиться?
Где в этой смуте войско и вожак?

Всё верится: вот-вот
блеснут кольчуги,
Тугие стрелы воздух разорвут...
Но тишина давно уже в округе,
Та самая, что мёртвую зовут.

По всей степи
кусты чертополоха,
Сойдётся с коня -
утонешь с головой.
Густеет тьма,
Кончается эпоха,
И колокол расколот вечевой.

***
Дождик шепчет,
ветер колобродит,
Гром гремит,
ревмя ревет волна...

Музыка живёт в самой природе,
Потому и вечная она.

Не нужны ни клавиши, ни струны
Там, где, преломляясь
и дробясь,

Из глубин восходят,
словно луны,

Робкий лещ, золотобокий язь.
Луг звенит,
над синей гладью плёса

Чаек крик захватывает дух.
В мире, где ничто не безголосое,
Как награда абсолютный слух.
Без конца - в мажоре ли,
в миноре -

Слушать эту музыку могу
В самой лучшей
из консерваторий -
На речном покато́м берегу.

***

Спутанные никнут корневища
Второпах поверженных дерев...
Мать-земля когда-нибудь
да взыщёт,

Нас, ретивых,
к стенке приперев.

Взят рубеж,
И списаны потери,
Никого ни в чём не упрекнёшь.
Вроде зла травинке не хотели,
Вроде цель оправдана,
И всё ж...

Говорунья-речка умирает,
Редко шмель
над клевером гудит:
Бой идёт, который проиграет
Безраздельно тот, кто победит.

***

Дом у реки -
резным фасадом к бору,
Где ежевика вьётся по забору
И яблоки запутались в траве -
Как о тебе я тосковал в Москве!

Теперь уже не встретят
тестя и тещи.
Приют их вечный ныне там,
где роща
и тёмные дубовые кресты...
Недалеко, всего-то две версты.

Дорога непроезжая горбата
К могилам тихим:
узника штрафбата,
Пришедшего с войны
в бинтах сырых,
И матери, поднявшей
восьмерых.

***

Дом стоит,
и сохранилась печка.
Напротив - лес,
за огородом - речка.
Благословенны здешние места!
Вот только жаль:
земля вокруг пуста.

Ушёл её рачитель и ходатай,
А я всего лишь
праздный согладатай,
Не знающий
крестьянского труда.

Зачем же тянет
вновь и вновь сюда?

Печь затоплю,
потом иду к запруде;
Всё кажется,
здороваются люди,
Которых знал,
а их в помине нет...
Не век прошёл,
всего-то двадцать лет.

Когда уснёт закат
подслеповатый,
Я возвращусь,
ни в чём не виноватый,
Забывший, как портреты
на стене,
В том времени, в том доме,
в той стране.

***

МЫ ОСТАЁМСЯ

Тянемся взглядом
за стаей гусиной,
Но остаёмся с тобою, река,
С этой пылающей
горькой осиною,
С полем,
ещё не остывшим пока.

С этим просёлком,
где вязнут машины
И безнадежно гудят провода,
С рощей,
глухими дождями прошитой
В блёстках мерцающих
первого льда.

Мы остаёмся,
Не в силах расстаться
С небом, где ранняя
зреет звезда,
С непроницаемым
сумраком станций,
Мимо которых летят поезда.

Мы остаёмся,
Где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый
жалостно-бабий
Русской метели
космический вой.

Что же нас держит?
Вопрос без ответа...
Просто в душе понимает любой:
Только на этом вот
краешке света
Мы остаёмся самими собой.

А дом стоит,
и сохранилась печка.
Напротив - лес,
за огородом - речка.
Благословенны здешние места!
Вот только жаль:
земля вокруг пуста.

Ушёл её рачитель и ходатай,
А я всего лишь
праздный согладатай,
Не знающий
крестьянского труда.
Зачем же тянет
вновь и вновь сюда?

Печь затоплю,
потом иду к запруде;
Всё кажется,
здороваются люди,
Которых знал,
а их в помине нет...
Не век прошёл,
всего-то двадцать лет.

Когда уснёт закат
подслеповатый,
Я возвращусь,
ни в чём не виноватый,
Забывший, как портреты
на стене,
В том времени, в том доме,
в той стране.

МЫ ОСТАЁМСЯ

Тянемся взглядом
за стаей гусиной,
Но остаёмся с тобою, река,
С этой пылающей
горькой осиною,
С полем,
ещё не остывшим пока.

С этим просёлком,
где вязнут машины
И безнадежно гудят провода,
С рощей,
глухими дождями прошитой
В блёстках мерцающих
первого льда.

Мы остаёмся,
Не в силах расстаться
С небом, где ранняя
зреет звезда,
С непроницаемым
сумраком станций,
Мимо которых летят поезда.

Мы остаёмся,
Где веси и хляби,
В нужды и беды уйдя с головой,
Под нескончаемый
жалостно-бабий
Русской метели
космический вой.

Злата ОКАТОВА
(Вологодский р-н,
п. Непотягово,
Спасская шк., 4 «А» кл.)

Скалочка- выручалочка

Идёт Волк по дороге, видит, скалочка лежит (а волк был голодный). Взял волк скалочку и давай её грызть.

«Ой, фу, какая невкусная!» - сказал Волк. Бросил скалочку и прошёл мимо.

Идёт Лиса. Видит, скалочка лежит. «Что-то грязная она! Вон, микробы просвечивают», - подумала Лиса и пошла своей дорогой.

Бежит Заяц. Увидел скалочку и говорит: «Кто это тут скалочку разбрасывает?»

Подобрал скалочку и домой побежал. Летит к его дому Голубь почтовый. Оставил письмо и улетел. А Заяц взял письмо и быстрее читает!

«Дорогой наш племянник! Пишут тебе твоя тётя Мэла и дядя по кличке Острое

ФОНАРИК

0+

страница творчества детей и для детей

Ухо. Приедем к тебе 19 августа в 14:00. Ждём не дожждёмся встречи!»

Заяц посмотрел на часы: 12:00. Посмотрел на календарь: 19 августа. «Это что же получается - они скоро приедут!»

Как ни думал Заяц, а не придумал, чем гостей угощать будет. И вдруг услышал Заяц тонкий писк. Прислушался. Кто-то говорит: «Я тебе помогу!»

Оглянулся Заяц, а у него за спиной скалочка лежит на столе. Вздрогнул заяц и скалочку случайно уронил. И она вдруг стала чистой, красивая. Понял Заяц, что это она говорила. Поднял скалочку

и говорит: «Ну, с чего начнём?» «Потряси меня», - отвечает скалочка. Потряса её заяц, и появился на столе пирог с морковкой.

«А теперь урони и подними меня», - говорит скалочка. Так Заяц и сделал, и появился на столе кувшин с соком.

«А теперь закрой глаза и досчитай до ста». Сделал так Заяц, открыл глаза, а там торт трёхэтажный! А ещё пирог с картошкой, пирог с грибами, пирог с вишней! А тут и дядя с тётей приехали. И так удивились!

Долго слушалась Заяц скалочка и ещё много раз его выручала!

Победителем конкурса «Книга года», проводимого Вологодской областной библиотекой в номинации «Детская книга», стал постоянный автор «Литературного маяка», замечательный писатель Денис Макурин, с чем мы его от души поздравляем!

Денис МАКУРИН

Тайна

Помню, как-то с Вовкой зашли мы в огород, подошли к грядке с кислушками и давай их рвать с двух сторон. Нарвали по целому пучку щавеля, пополоскали в бочке с водой, вернулись во двор и уселись на ступеньки крыльца. Немного подсушив, мы стали соревноваться, «чья кислушка кислее».

Мы откусывали от зелёных листов небольшие кусочки и жуя морщили носы, и щурили глаза, и приговаривали: «Какая гадость!» - при этом давая попробовать немного гадости друг другу, чтобы удостовериться, чья гадость кислее.

И вот мы сидели, жевали, тут к нам Васька подошёл, посмотрел на нас и говорит:

- Вы зачем их с землёй едите? Разве не знаете, что нужно есть либо кислушки, либо землю отдельно!

Вовка ответил:

- Больно ты понимаешь!
А я предложил:
- Хочешь, и тебя угостим?
Васька сказал:
- Ага! Хочу.

И мы поделились, каждый по полпучка отдал.

После этого мы уже соревновались «чья кислее» втроём.

Когда мы наелись до отвала, Васька сказал:

- Я вам за это один секрет расскажу.

А Вовка:

- Ну-ка, ну-ка!

И Васька рассказал, что в нашей заброшенной церкви тайна есть. А я сказал:

- Челуха.

А Васька добавил:

- Только мы её никогда не узнаем, потому что она в подземелье скрыта.

И тут мы не сдержались и давай смеяться:

- Врёшь ты, Васька, нет там ничего!

- Вот и есть! Там от нашей церкви до соседнего села под-

земный ход вырыт. Такой огромный, что раньше по нему на лошадях ездили. Правда, теперь он обрушился. И его ещё водой затопило. И тайну нам не в жизнь не узнать.

Вовка комара на руке пришиб и говорит:

- Надо нам самим сходить и всё там обследовать. Может, этот ход не полностью завалило, а только середину.

Васька:

- Так затопило же ещё.

А я подпрыгнул и крикнул:

- Точно! Нам же в соседнее село не надо, мы только в начале посмотрим и сразу поймём, что там за тайна. И почему её никто разгадать не может.

Так мы и отправились на другой конец села в заброшенную церковь.

А когда мы к церкви пришли, то оказалась, что она просто огромная. И когда мы смотрели на её вершину, то уже не сомневались, что внутри обязательно найдём какую-нибудь тайну. Вот только вход в неё был один, и тот закрыт великанскими воротами, а на этих воротах висел огромный замок.

- Амбарный, - сказал Васька. - Зря пришли.

А Вовка подошёл поближе, прилёг и «шмыг» под воротами. Там под ними щель оказалась как раз по нашему росту. И мы все по очереди пролезли.

Внутри церкви оказалось тем-

новато, и всё заставлено строгими мостиками и лесенками. И сначала мы разглядывали многоэтажные мостики, а потом обошли вдоль стен, но на земле ничего не нашли. Никаких ходов или подземелий. Тогда мы забрались по лестнице и начали бегать по первому этажу мостиков. И нам было довольно-таки весело. Мостики хлюпали, пружинили и брякали. А потом мы поднимались по лесенкам на второй этаж, а после этого на третий. И так всё выше и выше, и очень скоро мы бегали под самым потолком. А в закороченные окна и всякие там щели пробивались лучики и, мы видели, как в них летала пыль. Она сверкала, мерцала и подмигивала, было очень похоже на космос. Ещё нам хотелось чихать, а других тайн там не нашлось, и мы стали спускаться вниз.

Когда мы снова оказались на земле, Васька вдруг заорал:

- Ход в стене! Я же говорил, что тут есть потайной ход!

И правда, в стене оказался узкий проход. Мы его сначала не заметили, глазами темно было, а потом глаза привыкли и ход сам обнаружился. Вот только он не подземный оказался, а наоборот - ступеньки вверх вели. И мы пошли по этим ступенькам, а они всё время заворачивали, и получалось, что мы как будто по кругу ходим. Как будто спускаемся в подземелье старого зам-

ка, только мы наверх шли. И нам ещё факела не хватало, а так очень похоже было. И я думал, что мы как первооткрыватели. И что нам вот-вот подвернётся какая-нибудь тайна, которую ещё никто до нас не находил. И так мы шли, и очень скоро оказались в светлой комнате. А в этой комнате всюду были надписи «Здесь был Коля» или «Светка + Серёга» ну и прочая чепуха. И мы поняли, что мы никакие не первооткрыватели и что никаких секретов нам уже не достанется. Что если они и были, то их разгадали эти самые Колька, Светка и Серёга. А чуть-чуть побродив по залу, мы нашли второй выход из комнаты, и он тоже наверх вёл. И мы снова отправились по ступенькам, и снова ходили по кругу. И снова как будто в замке. И вот-вот нам откроется какая-нибудь тайна. И так мы шли, шли и даже не заметили, как оказались на чердаке. И на том чердаке тоже было темно и пыльно, как внизу. Только там мы бегали под потолком, а тут, наоборот, оказались на потолке, но с другой стороны. И мы снова начали носиться и обследовать этот пыльный и всеми забытый чердак. А потом мы увидели небольшое окошко. И мы стали толпиться возле него и толкаться, чтобы без очереди подышать свежим воздухом и посмотреть на белый свет.

И когда очередь дошла до меня, и я высунулся, то сильно удивился и обрадовался, и испугался тоже. А ещё мне было очень интересно: куда всё подевалось? Мы оказались так высоко, что не видно было земли под ногами. Всё как будто провалилось вниз. И далеко-далеко я увидел наш дом, и школу, и всё наше село. Всё было как на ладони! И я догадался, что здесь живёт Бог и что отсюда дотуда рукой подать. И что он наблюдает с этой крыши за мной и всеми нами. И он видит, как я ем кашу, и как хожу в школу, и как потом делаю уроки. И я понял, что это и есть та самая тайна, которую не могут найти. И я понял, почему её не могут разгадать. Оказывается, это так просто! Всё потому, что люди ищут её под землёй, а надо под небесами. И что нужно только подняться и увидеть своими глазами, где живёт Бог! И тогда всё сразу станет понятно.

Дмитрий ЕРМАКОВ

Для чего гриб нужен

Родился в лесу гриб. Поначалу совсем маленький грибок был, только-только из земли, из-под мха да иголок выглянул. Посмотрел на белый свет - травка зелёная, деревья высокие, ветерок дует, солнышко светит - хорошо! «Поживу на белом свете!» - грибок сказал.

Ползёт мимо улитка, увидела грибок и говорит: «Ну наконец-то я тебя нашла. Ведь грибы-то для того и растут, чтобы мы их ели».

Удивился грибок таким словом, испугался, в травку от улитки спрятался. Не нашла его улитка, дальше уползла.

«Будет ещё какая-то улитка меня есть! Поживу, подрасту, и пусть съест меня побольше зверь!»

Бежала мимо мышка, эти слова услышала и говорит: «А ведь я и есть зверь побольше улитки, вот я тебя и съем!»

Посмотрел на мышку грибок и подумал: «Вот ещё, будет меня какая-то мышка есть! Найдётся и покраше зверь!» - листом накрылся, от мышки спрятался.

Дальше живёт. Солнышко светит, дождик льёт, гриб подрастает...

По макушкам ёлок белка прыгала, увидела гриб, сразу к нему побежала: «Вот тебя-то я и съем!» Увидел и гриб белку, подумал: «Красивый ты зверь, да я ещё подрасти хочу», - за пень спрятался, веточкой прикрылся. Не нашла его белка.

Растёт гриб, радуется, что большим стал. Только чувствует, что пора бы ему уже кому-нибудь и пригодиться...

А тут грибник идёт с корзиной, увидел гриб, наклонился, аккуратно срезал, а потом вздохнул и сказал: «Да ты, брат, гнилой!»

И выбросил гриб.

«Для чего ж я и вырос тогда, если никому не пригодился?» - подумал гриб, да было уже поздно...

Стихи Евгения Некрасова уже хорошо известны постоянным читателям «Литературного маяка». Известный в прошлом журналист, Евгений Викторович всё больше и интереснее раскрывается как поэт, которому есть что сказать своему читателю...

***

Печаль осенняя
светла -
сродни прощанью.
Полна
душевного тепла
и пониманья.

Кружится
нежный листопад
под скрипки пенья.
Сиюминутный взгляд назад -
как озаренье.
Напоминанье:
жизнь прошла!
Туманны дали...

А осень
в листопад звала -
вослед печали...

***

След звезды -
золотисто-стремительный:
сорвалась -
и в полёте сгорела.
Её смерть -
красоты восхитительной!
Но звезда
разве смерти хотела?..

Так естественно нам
и привычно
наслаждаться
мирской красотой!
И не думается обычно -
не столкнулись ли
с чьей-то бедой?

***

**«Меня старят не годы -
Мысли горькие старят...»**
Василий Фёдоров

Зажравшихся
не тянет в небо,
не вдохновляет высота.

Евгений НЕКРАСОВ «Я благодарен дню за то, что был он...»

Смешны им те,
кто корке хлеба
рад до могильного креста.

Смешны им те,
кто бескорыстно
стране пытается служить.
Настрой их -
искренний и чистый -
зажравшимся не разделить.

Цинизм их подлый,
как проказа,
жрёт человеческую суть
и развращает.
Пусть не сразу,
отравит всё ж
когда-нибудь!

В стране,
не дай бог,
горе грянет:
в беде окажется народ.
Боюсь,
бойцом
не каждый станет,
а отсидеться предпочтёт...

Беда
не радует приходом -

всегда нежданна
и горька.
Как незнакомая река,
в которой ты
не знаешь брода.

Не уклониться,
не уйти,
как от проклятья рокового,
дождя
обвала проливного,
вдруг захватившего в пути.

Судьба ли
горестям виною
или природа их в другом...
Трагедия несчастий
в том,
что их
не отведёшь рукою!
Груз безысходности
гнетёт,
мотает силы,
душу,
нервы,
терзает сердце непомерно...
Не всяк его
переживёт!

Но бедам мой поклон за то,
что в горе

дружба познаётся.
Хлебнувши лиха,
не придётся
нам сомневаться
кто есть кто...

***

Нине Чухиной

Я так устал!
Душа пуста.
Коробят пафосные речи
И раздражает суета..
Я полюбил сидеть
У печи,
Смотреть бездумно
В жаркий зев
На огненную свистопляску.
Густым теплом печным
Обласкан.
Сморённый
Ароматом дров...
Струит очаг
Горячий свет...
Забыты
Боли и несчастья...
Я оценить
Покою счастье
Сумел лишь
На закате лет!

***

Возраст режет меня
на куски,
не щадя,
по живому кромсает.
Молодиться
совсем не с руки,
подошёл когда
к вечности краю.

Не ужился со мною
покой.
И привычно стала
усталость.
Рад, любовь
не прошла стороной.
Отголоски её
тешат старость.

Режет возраст -
безжалостный нож!
Превозносит его
лишь лукавый.
А меня мысль о нём
вводит в дрожь,
и не льстит
его мудрости слава.
Ни к чему мне
венец мудреца.
На земле рад
хоть чайкой остаться,
длилась только бы
жизнь без конца!
Только с нею бы
не расставаться!

***

**«Раскрой роман,
прочти сонет -
И убедись,
что смерти не было
и нет,
Для тех, кто пишет...»**

Ольга Фокина

Я благодарен дню за то,
что был он
и что снова будет.
Возможно,
сбывшейся мечтой
украсит сутолоку буден?

Но если даже хмур
и стыл,
и чем-то душу
растревожил,
он всё равно желанен,
мил -
на дни минувшие
похожий.

Он дорог тем,
что я дышу,
и что судьбы нить
не прервалась,
что счастье жить
со мной осталось...
И что пишу.
Стихи пишу!..

Николай Коновской живёт в Москве, его стихи публикуются во многих журналах, газетах, сборниках. Публиковались они и в «Литературном маяке», после приезда поэта в Вологду и выступления в Центре писателя В. И. Белова.

Поэзию Николая Коновского отличают духовная наполненность, художественная зримость и выразительность, философичность...

ВОСТАВШИЙ ДЕНЬ

Всё зримей даль
в краю суровом
И выше сень.
О, как медлителен и ровен
Воскресший день!

И твердь, и ветви краснотала,
И плеск волны -
Всё как бы нехотя восстало
Из тишины.

Хор, вспыхнувший
по перелескам,
Хвалу ль творит?..
И всё дробится
влажным блеском,
И всё горит!

И сердце просится, ликуя,
В стозвонье, в блеск,
Как будто чувствует благу,
О встрече весть.

Николай КОНОВСКОЙ «Земное перешедши поле...»

В светящихся глубинах лета
Ясней всего
День благостный,
где кроме света,
Нет ничего...

УЕДИНЕНИЕ
...Небо, болота, леса -
Всё укрупняет слеза.

Полдень восстал высоко, -
Не дотянуться рукой.

Светом горит озерцо,
Как дорогое лицо.

За островами ольхи
Коршун сужает круги.

Сонно кузнечик звенит.
Луг благовонный пьянит.

Тверди земной - исполать!
Боже, чего мне желать:

Как поднебесный простор -
Мой добровольный затвор!

...Клеверным мёдом из сот
Время неслышно течёт.

ЗЕМНОЕ ПЕРЕШЕДШИ ПОЛЕ

Промолвишь,
словно мрак каменоломен
Пройдя насквозь,
душой окаменею:
Владыко мой,
сколь тяжко-неподъёмен
Твой праведный,
но милосердный гнев.

Потом, земное
перешедши поле,

Ничем земным уже не дорожа,
Уверуешь,
что не воздастся боле
Того, что может вынести душа...

ДУШЕ ВОЗРОДИТЬСЯ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ...

...И мир обнажился до нитки,
И ветер холодный
Погнал облетевшие листья,
как поздние стаи
К неизвестному краю,
костры зачадили,
И осень
Предстала
в своей необманной
безжалостной сути.
Дела все доделаны,
время пришло уезжать

Из дачи уютной
в давно опустылевший город,
Одно лишь осталось...

И к некогда плодоносящей
Развесистой яблоне
(ныне сухой и бесплодной),
Светящейся

«белым наливом»,
кормившей когда-то
Всех ближних и дальних,
Хозяин печальный и хмурый
Пришёл с топором,
чтоб её наконец-то срубить;
Вздыхнул, замахнулся,
Но что-то незримое, видно,
На взмахе решительном
руку его задержало.
- Ну, ладно, даю тебе шанс, -
он сказал, -
Но последний.

Когда ж по весне он приехал,
То кипенью белой
И гудом пчелиным
в цветах
пощажённого древа
Был с нежностью встречен...

Садовник, Хозяин,
Когда я, случись, уподоблюсь
Сухому бесплодному дереву,
Повремени
С разящей секирой
своюю холодную,
Дай ещё шанс
Душе возродиться
для вечности...
Слышишь, Хозяин?..